

мышлял о другом объединении христиан, кроме объединения их вокруг Византии.

Основной смысл своей монографии Денисов видел в реконструкции подлинного образа Максима Грека, освобожденного от легендарного ореола одного из почтеннейших отцов русской церкви. Действительно, автор дал целый ряд новых интересных сведений, касающихся жизни Максима Грека. Однако материал его книги несколько не убеждает читателя в том, что в лице Максима Грека мы имеем последовательного гуманиста. Формула «христианский гуманист» остается лишь красивой оболочкой, прикрывающей чисто теологическую в основе своей концепцию Максима Грека. Образ, созданный Денисовым, — тоже идеализированный, но только идеализированный в другом плане. Византийский патриот и западник, воспитанный в католическом мире, смелый борец за свои идеи в России, жертва преданности Византии и Западу — так односторонне, а следовательно, и тенденциозно рисует Денисов образ Максима Грека.

Из других работ Денисова наиболее интересны его статьи, доказывающие принадлежность биографий Максима Грека XVI в. А. Курбскому<sup>49</sup> и Исае Копинскому<sup>50</sup>. Они отличаются не только тонким текстологическим и филологическим анализом, но и тем также, что в них исследуется происхождение источников в связи с политическими событиями XVI в. Гораздо менее широко и обоснованно разобрано Денисовым отношение к Максиму Греку русских писателей XVII и XVIII вв.<sup>51</sup>, а проблему изучения взглядов Максима Грека в научной литературе XIX—XX вв. Денисов даже и не поставил, удовольствовавшись, очевидно, библиографией В. Иконникова.

Явной односторонностью страдает и статья Денисова об изданиях сочинений Максима Грека<sup>52</sup>. В ней, правда, имеется ряд полезных критических замечаний по поводу публикаций некоторых произведений Максима Грека, но совершенно отсутствует анализ социальных причин, обусловивших в свое время особый интерес к сочинениям этого деятеля. Так, Денисов даже не ставит вопроса о связи самого факта издания сочинений Максима Грека накануне и в годы реформы 1861 г. с активизацией русской исторической мысли в это время, с острой постановкой вопросов о путях исторического развития России и, в частности, проблемы «Россия и Запад».

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что значение трудов И. Денисова определяется прежде всего тем, что они вносят в науку ряд новых интересных материалов, относящихся к первому периоду биографии Максима Грека. Интересны также и источниковедческие этюды И. Денисова. Но его попытка показать историческое значение деятельности Максима Грека не увенчалась успехом главным образом из-за идеалистической методологии автора и его политической и конфессиональной тенденциозности.

С. М. Каушанов

<sup>49</sup> E. Denissoff. Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski. *Orientalia cristiana periodica*, vol. XX, № 1—2, Roma, 1954, p. 44—84.

<sup>50</sup> E. Denissoff. Une biographie de Maxime le Grec par le métropolitaine Isaïe Kopinski. *Orientalia christiana periodica*, vol. XXII, № 1—2, Roma, 1956, p. 138—171.

<sup>51</sup> E. Denissoff. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe. *Revue des études slaves*, t. 31, fasc. 1—4, Paris, 1954, p. 13—19.

<sup>52</sup> E. Denissoff. Les éditions de Maxime le Grec. *Revue des études slaves*, t. 21, fasc. 1—4, Paris, 1944, p. 112—120.